

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2128

(1928)

ЧТО ТАКОЕ СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь не имеет четко выдержанной государственной принадлежности. Это не столица и не глушь. Это пространство без твердо установленных границ.

Святая Русь — земляная чаша, в которую налито вино Причастия. Стенки чаши хранят вино Истины.

Святая Русь одновременно припоминание Изначалья, Творения, рая на земле и стремление к Новой земле, Новому небу и новому раю.

Святая Русь представляет собой страну-идею, страну-мечту, в то же время мечту, уже отчасти осуществившуюся, пусть пока еще не до конца. Она задержалась в своем превращении из состояния «земля и люди» в состоянии Новой Палестины, населенной народом чистым, без конца исторгающим святых из лона своего.

Святая Русь есть сопряжение смолистой, выдержанной русскости, твердо стоящей на земле, и христианской святости — светлой, воздушной. На земле эта святость задерживается разве что из сострадания к непросвещенности народов христианством и затопления общества грехом.

Святая Русь может отодвигать свои рубежи, даруя соседям просвещение в восточнохристианском ключе, и сжиматься, сосредоточиваться в «остров» на малом пространстве, когда натиск снаружи слишком силен и волны внешней ярости непрерывно бьют в стены светлого града. Она дышит, то сжимаясь, то расширяясь.

Святая Русь чиста, но окружена кольцом «фронтов» и держит границы, боясь осквернения.

О Святой Руси на Руси земной, державной, встающей на путь Царства, заговорили в XVI веке. Но уже тогда книжные люди, церковная иерархия, правители держали в умах своих нечто существующее, ширящееся, развивающееся.

Притом существующее не со времен древнекиевских, почти забытых, а с относительно недавних пор.

Это необычное время, перевернувшее судьбу Руси и давшее ей высокое назначение, началось в XIV веке, в келье преподобного Сергия Радонежского. Лучи молитвенного сосредоточения и самоотверженного отдания личности Богу разлетались по Руси сначала от горы Маковец, потом от жилищ учеников Сергия и соратников его, принадлежащих той же эпохе: Стефана Пермского, Димитрия Прилуцкого, Саввы Звенигородского, Авраамия Чухломского, Нила Столобенского, Кирилла Белозерского, Германа, Савватия и Зосимы Соловецких, Пафнутия Боровского... да целого сонма граждан Небесного града.

Монастырской святостью Русь просветилась. На карте ее словно бы образовалась сеть из нитей, узлов, звезд и перекрестков христианской святости, бежавшей богатства и простертой перед Богом в тревогах о спасении души. Словно бы на скудную, серую, едва отвоєванную у леса почву положили светящуюся сеть.

Сеть света проступила на русском пространстве в период скверны и тягот. Породила ее Русь Владимирская, истерзанная Ордой и междукняжескими усобицами, нищая, залитая кровью, запачкавшая одежды пеплом от больших пожаров.

Когда Русь Владимирская легла на сон, ее заменила Русь Московская, державная, обернувшаяся Царством. И этому Царству, всему его существованию, придавало смысл наследие владимирских времен, а именно Святая Русь, сеть света. Из Руси Московской, царственной, вышла Россия.

* * *

Итак, во времени и пространстве жизни земной Святая Русь — это Русь Владимирская и в какой-то степени Русь Московская.

Современный историк Д. М. Михайлович писал об этом пусть и весьма категорично, но в целом справедливо: «Россия вышла из кельи Сергия Радонежского и дубового кремля Ивана Калиты. В какой-то степени — из Золотых врат владимирских. И конечно же, из жаркого дня на широком поле у слияния Дона и Непрядвы. Но не из Софии киевской. *Россия — дитя Ростово-Суздальской Руси, иначе говоря, Северо-Восточной окраины Империи Рюриковичей.* Да, конечно же, святая Ольга и святой Владимир — родные русским.

Через них и через киевский портал христианство широким потоком полилось на Русь — на всю Русь, не выбирая, где там в XX веке пройдет очередная случайная граница между разновидностями восточных славян. Да, конечно, вся история Древней Руси, то есть Руси домонгольской — принадлежность истории России в качестве глубинных корней ее бытия. Да, конечно, в юной России XV—XVI веков превосходно знали древнерусскую литературу, в значительной мере южно- или западнорусскую по происхождению. Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Илариона Киевского, Кирилла Туровского, “мужей чюдных” из Киево-Печерского монастыря почитали своими. Да, древние былины, “Повесть временных лет”, “Слово о Законе и Благодати”, “Сказание о полку Игореве” для великой хоромины России, строящейся из малых теремков удельной эпохи, стали камнями духовными, уложенными в фундамент... Всё так. Нет ни малейшей причины отказываться от этого, как сейчас говорят, культурно-исторического наследства. И всё же столичная Русь древнекиевских времен, Русь Южная, Русь, выросшая из симбиоза полян, древлян, кривичей с варягами, — страна в целом гораздо менее родная для России, чем окраинный ее регион: Ростово-Суздальская, позднее Владимирская земля. И многие национальные стереотипы русского народа, а вместе с тем многие особенности российского государственного строя — плод владимирской эпохи и Владимирской Руси, а Русь Киевская всему этому — хоть и не чужая, но все же, что называется, “дальняя родня”. Если сравнивать это с семьей, то Владимир-Залесский Москве — отец, Новгород — дед, Константинополь — прадед, а Киев — двоюродный дядя. Не чужое, родное — всё, включая и Софию киевскую, и былинных богатырей, и Владимира Мономаха, но чуть подальше торной дороги»¹.

Но и Орда Руси не родная, что бы ни утверждали евразийцы.

В исторической публицистике, а порой даже в исторической науке встречается утверждение: «Русское самодержавие — наследие Орды!» Кто-то говорит об этом с безразличностью, кто-то — с гордостью, но вне зависимости от субъекта высказывания суть его неверна.

Орда в принципе не могла дать Руси примеров автократического правления, поскольку ее государственный по-

¹ Михайлович Д. М., Володихин Д. М. Московское царство: Процессы колонизации XV—XVII вв. М., 2021. С. 50.

рядок строился на родовом праве, не говоря уже о совершенно чуждой для Руси конфессиональной составляющей. Точно так же самодержавие, то есть сильный, прочный авторитаризм не мог вырасти из древних национальных традиций государственного строительства, поскольку и на самой Руси родовое право имело мощные корни.

Киевская Русь являлась государством, которое управлялось огромным, разветвленным родом Рюрика. Притом управление это, включая сюда и разделение Руси на отдельные княжения, и распределение этих княжений между отдельными представителями рода, производилось семейно, коллективно, напоминая управление общим участком земли, находящимся во владении большого семейства.

До 1130-х годов, как правило, у рода Рюрика имелся ярко выраженный лидер, который садился на «великий стол» в Киеве и властвовал как «старший в роду». Генеалогически, да и по возрасту он мог быть вовсе и не старшим среди Рюриковичей. Запутанность правил наследования как киевского княжения, так и всех остальных (то «братчина», то «отчина», то смесь первого со вторым) включала порой механизмы открытой силы — уже вне каких бы то ни было родословных схем. После смерти Мстислава Великого в 1132 году всякие механизмы сдерживания политических амбиций оказались сломаны, и Русь погрузилась в многовековое состояние политической раздробленности. Ее раздирали бесконечные междоусобные войны. Очень скоро отдельные ветви Рюриковичей получили постоянную власть над крупными регионами, которые сделались практически независимыми княжествами: Смоленское, Черниговское, Галицко-Волынское, Рязанское, Ростово-Суздальское и т. д. Киев же превратился в драгоценный приз, который самый удачливый завоеватель получал как военную добычу.

Политическая раздробленность делала Русь уязвимой ко вторжениям извне, чем пользовались соседи, в особенности с востока и юга: волжские булгары, а также кочевники-половцы или, иначе, «куманы», и, конечно, монголы.

Но в одном из княжеств центробежные тенденции начали уступать место центростремительным. Это колоссальный регион на северо-востоке Руси, имевший в качестве столицы то Ростов Великий, то Суздаль и, наконец, Владимир. Князьям Владимирским были подвластны десятки городов. Им подчинялась русская область, по площади вполне сравнимая и со Вторым Болгарским царством, и с Сербско-греческой империей времен их расцвета, правда,

не столь густо населенная и постепенно, порой весьма медленными темпами осваиваемая в лесистых своих районах.

Владимирские государи время от времени ставили под контроль Новгородскую вечевую республику, где правило горделивое боярство. Завоевание Киева перестало быть для них целью: укрепляя собственные владения, они могли играть судьбой русского Юга. Волжские булгары, не раз смиренные их походами, трепетали перед военной мощью Владимирской Руси.

Два великих правителя, оба сыновья основателя Москвы Юрия Долгорукого, возвысили Владимирскую Русь до необычайных высот: во-первых, Андрей Боголюбский, правивший во Владимире с 1157 по 1174 год, и, во-вторых, Всеволод Большое Гнездо, великий князь Владимирский с 1176 по 1212 год. При них Владимирская Русь украсилась белокаменными храмами и новыми монастырями. Именно тогда появился Успенский собор во Владимире, ставший образцом для многих будущих храмов Руси. Высокая христианская культура процветала во Владимирской Руси: возводились крепости, велось летописание, создавались первоклассные литературные произведения.

От прочих древнерусских областей Владимирская Русь отличалась прежде всего тем, что два названных ее правителя утвердили традицию самодержавного правления. Они не зависели в своих решениях ни от местного боярства, ни от огромного Рюрикова рода, ни от собственной ветви Рюриковичей, связанной родством с Владимиром Мономахом. Тем более они никак и ни в чем не зависели от Киева. Андрей Боголюбский однажды демонстративно покинул одно из богатых южнорусских княжений, добытых ему отцом: его интересовала собственная земля, ее превращение в могучую державу. Он взял с собой великую святыню — икону Божией Матери, впоследствии получившую имя «Богородицы Владимирской» — по новому месту пребывания.

Смерть Юрия Долгорукого в 1157 году сделала его сына Андрея полновластным распорядителем Ростово-Суздальской земли.

Андрей Юрьевич любил Церковь, основывал новые иноческие обители, проявлял большую щедрость к духовенству. По словам летописца, князь охотно раздавал милостыню. Образованность Андрея Юрьевича можно сравнить с богатым культурным багажом его деда — Владимира Мономаха. Князь покровительствовал книжникам и сам являлся духовным писателем. Так, его перу принадлежит

«Слово о милости Божией», связанное с одолением волжских болгар. Приязнь к духовенству сочеталась у князя Андрея с мечтами прославить любимую Владимирщину, твердый оплот его власти. 8 апреля 1158 года «...заложил Андрей князь в Володимери церковь камену святую Богородицу... и дал ей много имения: и слободы купленыя... за даньми, и села лепшия, и десятины в стадах своих, и торг десятый...»¹. К 1160 году церковь была достроена, а к исходу августа 1161-го — расписана фресками. Князь «...украшил ю дивно многоразличными иконами и драгим каменьем бес числа и сосудами церковными»². Росписью и отделкой храма занимались мастера «из всех земель». Так рассказывает летопись о самой масштабной архитектурной затее Андрея Юрьевича — возведении громадного Успенского собора, который в XII веке звали «Богородицей Златоверхой». Конечно, искреннее христианское чувство соседствует здесь со стремлением показать: уходит древняя слава киевская, ныне Владимир украсится постройками, превосходящими величие киевской старины! Князю показалось мало одной только чудесной громады Успенского собора. В 1164 году закончилось строительство храма на Золотых воротах владимирских и началось сооружение Спасской церкви. Владимир первенствовал в строительных затеях князя Андрея. Но толика почтения досталась и Ростову: там при Андрее Юрьевиче появился белокаменный Успенский собор.

Рядом с Владимиром, в Боголюбове, князь выстроил белокаменную резиденцию и храм Покрова на Нерли поблизости. Лишь невеликая часть княжеской резиденции дошла до нашего времени³. Отсюда и прозвище Андрея Юрьевича — Боголюбский. Боголюбово дало ему возможность держать, до поры, древнее влиятельное боярство на расстоянии от себя. Он, кажется, предпочитал управлять через людей, прямо зависевших от него или же лично им поставленных должностных лиц — младших дружинников, «мечников», «посадников», «тиунов». А это с еще большей силой накаляло отношения между ним и боярами.

Андрей Боголюбский, этот первый самодержец Владимирской Руси, пал жертвой боярского заговора в 1174 году. Но владимирский автократизм отнюдь не ушел в могилу

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 149.

² Там же. С. 150.

³ Фрагмент храма Рождества Богородицы и Лестничная башня.

ЛИТЕРАТУРА

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843.

Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1841.

Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848.

Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949.

Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. М., 2000.

Тверская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XV. М., 2000.

Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913.

Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. СПб., 1910.

Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Л., 1982.

Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Житие Александра Невского / Подг. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Задонщина // Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М.: Институт российской истории РАН, 1998.

Сказание о Мамаевом побоище // Памятники Куликовского цикла / Сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М.: Институт российской истории РАН, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Что такое Святая Русь	5
Великий князь Ярослав Всеволодович	17
Из Переяславля в Переяславль	18
Трагедия Липицы	21
Наследие великого самовластца	22
Начало большой войны	23
Без милосердия, без уступок, без пощады	25
Надежда	28
Годы смирения	32
Литвины и немцы: кто опаснее?	33
Темная громада Орды	52
Смирившийся конкистадор	53
Основные даты жизни великого князя Ярослава Всеволодовича	55
Великий князь Александр Невский	57
Детство и юность повелителя битв	62
Главный помощник отца	65
Невская битва	75
Ссора с новгородцами	92
Посольство вечевой республики	94
Юный полководец возвращается в Новгород	96
Контрнаступление	98
Гибель русского авангарда	100
Разгром немецких рыцарей на Чудском озере	101
Последствия Ледового побоища	118
Мифы о Невской битве и Ледовом побоище	119
Литовская угроза	123
Вторжение в Финляндию	133
Восток и запад	135
Смерть отца	141
Борьба за престол	143
Переговоры с папой Римским	147
Неврюева рать	151
Восшествие на престол	166
Между Новгородом и Ордой	168
Загадка второго брака	178
Сарайская епархия	183
Антиордынское восстание	185
Кончина	189
Удар на Дерпт	192

Посмертное прославление	193
Итоги правления	199
Основные даты жизни великого князя Александра Невского	204
Великий князь Дмитрий Переяславский	207
Переяславль-Залесский, родовой удел	209
Взятие Дерпта	210
Раковорская победа	214
Великий стол	232
Смута	235
Разгром ордынцев	238
Продолжение смуты. Дюденева рать	243
Тающее единство	244
Основные даты жизни великого князя Дмитрия Переяславского	246
Великий князь Дмитрий Донской	247
Детство на фоне «черной смерти»	248
Правительство митрополита Алексия	249
Московская держава против Суздальско- Нижегородской	252
Москва против Литвы	253
Москва против Твери	255
Характер Дмитрия Ивановича	260
Начало противостояния Орде	261
Битва на Воже	265
Благословение святого Сергия	270
Битва на поле Куликовом	279
Численность и потери сил, противоборствовавших на поле Куликовом	304
Нападение Тохтамыша	318
Основные даты жизни великого князя Дмитрия Донского	323
Литература	325